

Услышав, что хозяин вызывает её для разговора, матушка Чжан похолодела от дурного предчувствия. На душе у неё было беспокойно, но медлить она не осмелилась и поспешно отправилась в главный дом.

Линь Хай, разумеется, не стал бы принимать дворовую служанку в своём внешнем кабинете, а потому впервые за долгое время вернулся в главную усадьбу. С тех пор как не стало Цзя Минь, он, страшась беречь душевные раны воспоминаниями о покойной супруге, почти безвыездно жил и ночевал в кабинете.

Убранство главного дома оставалось прежним, разве что убрали с глаз долой немногие яркие, праздничные вещицы. Каждая деталь здесь напоминала о Цзя Минь. Покойная хозяйка славилась утончённым вкусом, поэтому обстановка комнат сочетала в себе благородное величие и изящество.

Опустившись в привычное кресло, Линь Хай прикрыл глаза и принялся мерно, едва слышно постукивать пальцами по столу. Стоявшая перед ним матушка Чжан покрылась холодным потом, но не смела даже поднять руку, чтобы утереть лоб.

После затянувшегося молчания Линь Хай наконец заговорил, и голос его прозвучал ровно, без тени гнева:

— Будь на твоём месте кто другой, я бы выставил со двора в тот же миг. Но ты — кормилица покойной госпожи, она всегда ценила твою преданность, а потому я скажу лишь раз. Барышня носит фамилию Линь, и это — поместье Линь. Если здешние порядки пришлись тебе не по нраву, можешь собирать вещи и уезжать вместе со слугами из дома Цзя.

Матушка Чжан тут же рухнула на колени, заливаясь слезами:

— Господин, пощадите! Видит бог, я желала барышне только добра, и помыслов дурных не имела! Смилуйтесь, не прогоняйте меня! Я ведь обещала покойной госпоже, что костями лягу, а сиротку выхожу!

Линь Хай нахмурился и ожёг её ледяным взглядом. Причитания матушки Чжан мгновенно застряли у неё в горле. Вспомнив, как в прошлом году хозяин без тени жалости прогнал нескольких слуг, а самых нерадивых отдал под суд, она испуганно замерла, сдерживая дрожь.

Глядя на дрожащую от страха старуху, Линь Хай всё же смягчился, памятуя о любви к покойной супруге:

— Коли и впрямь хочешь остаться в нашем доме, запомни одно: впредь держи язык за зубами. Особенно при барышне. И никогда не забывай, кому ты теперь служишь. Ты — служанка в доме Линь.

Матушка Чжан боязливо зыркнула на хозяина, но, преодолевая страх, всё же решилась возразить:

— Господин... Раз уж я пришла сюда за госпожой, то и верна буду дому Линь до гроба, и помыслить о предательстве не смею. Но ведь и сегодня я пеклась лишь о судьбе нашей крошки! Госпожи не стало, и если барышня останется без должного женского надзора и воспитания, это ведь может повредить её будущему. Как ни крути, а Матушка Цзя — супруга покойного хоу, знатная дама из дома государственного гуна. Если она возьмёт внучку под крыло да обучит столичным манерам, никто в будущем не посмеет упрекнуть барышню в недостатке воспитания.

Линь Хай усмехнулся, приподняв бровь:

— Выходит, это я тебя несправедливо обвинил?

Старуха испуганно вжала голову в плечи:

— Помилуйте, господин, не смею я так думать!

Пускаться в долгие объяснения Линь Хай не собирался.

— Я отец Дайюй и уж точно не стану желать зла собственной дочери, — отрезал он. — Чтобы я больше подобных речей не слышал. У меня на её счёт свои соображения. Если повторится нечто подобное, не посмотрю на твои прежние заслуги перед покойной госпожой.

Больше не удостоив её взглядом, он развернулся и покинул комнату.

Матушка Чжан была уже немолода, и от пережитого страха ноги у неё подкосились так, что она никак не могла подняться с колен. Спустя некоторое время в комнату заглянула матушка Линь, гадая, почему товарка так долго не выходит. Увидев ту распластанной на полу, она всплеснула руками и поспешила на помощь:

— Сестрица, господь с тобой, что стряслось?

Матушка Чжан со вздохом опёрлась на её руку и горько усмехнулась:

— Ах, сестрица... Скажи мне на милость, неужто я и впрямь совершила глупость?

Обе они занимали в доме особое положение: одна была кормилицей хозяина, другая — покойной хозяйки. Цзя Минь при жизни отличалась щедростью и никогда не обделяла матушку Линь своим расположением, а матушка Чжан всегда преданно вторила своей госпоже. За долгие годы совместной службы женщины искренне привязались друг к другу.

Матушка Линь ещё накануне заподозрила неладное, понимая, что её подруга заигралась в преданность прежним хозяевам. Выслушав её жалобы, она лишь сокрушённо покачала головой:

— Ах, милая, да где это видано, чтобы челядь за господ решения принимала? Я ведь понимаю, что ты о барышне печёшься, но разве родной отец станет вредить своему дитяти? К тому же ты ведь сама из поместья Цзя прибыла, тебе ли не знать, какие там порядки? Далеко за примером ходить не надо: наша госпожа преставилась, а из её родного дома даже завалящегося мужчины не прислали, чтобы почтить память! Зато начеркали письмо и давай требовать, чтобы мы девицу Линь им немедленно отдали. Разве ж это по-людски? Сама рассуди.

Матушка Чжан густо покраснела, осознав собственную недалёковидность, и стыдливо прикусила язык. Матушка Линь, будучи женщиной незлобивой, не стала усугублять её терзания и мягко добавила:

— Будет тебе, не кручинься. Главное — впредь в господские дела не лезь. Давай просто усердно служить молодой барышне, и всё образуется.

— Твоя правда, — поспешно закивала матушка Чжан. — Отныне я во всём буду слушать только тебя, сестрица.

Наведя порядок среди домочадцев и приструнив излишне ретивых слуг, Линь Хай не поспешил на следующий день на встречу с посланниками из столицы. Вместо этого он отправился в управу, чтобы разобраться со скопившимися за время его отсутствия делами соляного надзора, и вернулся в усадьбу лишь под вечер, когда с государственными заботами было покончено.

Из поместья Жунго прибыли двое доверенных слуг — Лай Да и Чжоу Жуй, а их супруги приехали высказать почтение молодой барышне Дайюй. Лай Да, потомственный слуга дома Цзя, умудрённый годами службы, держался чинно и почтительно. Едва войдя, он принёс Линь Хаю глубокие соболезнования, пролил положенную слезу по усопшей госпоже Цзя Минь и принялся велеречиво оправдывать столичных господ: дескать, старшие непомерно заняты государственными делами, младшие же ещё слишком юны для столь дальнего пути, а потому никто из мужчин рода Цзя лично явиться не смог, в чём они смиренно просят господина Линя их простить.

На его фоне Чжоу Жуй выглядел куда бледнее — робел, жался к товарищу и не смел вставить ни слова. Линь Хай бесстрастно наблюдал за этой комедией, а про себя лишь презрительно усмехался. Когда поток витиеватых извинений иссяк, он небрежно обронил:

— Пустое. Мои досточтимые шурины — государственные мужи, обременённые великими заботами. Вполне естественно, что они не могут оставить свои посты ради семейных дел. Стоит ли мне гневаться на подобное?

От этих слов у Лай Да предательски запылали уши. Кому, как не ему, было знать истинное положение дел в столице? Унаследовавший титул старший господин Цзя Шэ занимал сугубо

номинальную должность и в канцеляриях отродясь не появлялся, а младший, Цзя Чжэн, хоть и числился помощником министра пятого ранга, большую часть времени проводил дома за досужими беседами с прихлебателями-учёными. Никакой «государственной занятостью» там и не пахло, и тонкая насмешка Линь Хая больно уколола слугу.

Впрочем, Лай Да унаследовал от предков не только положение, но и житейскую хитрость: он сделал вид, что не заметил издёвки, и незаметно одёрнул Чжоу Жуя, который уже по глупости открыл было рот.

— Господин Линь, — заискивающе улыбнулся Лай Да, — наша Матушка Цзя повелела нам не только поклониться праху усопшей барыни, но и передать её глубочайшую тревогу о судьбе молодой барышни. Матушка Цзя ночами не спит, сокрушаясь, что сиротка осталась без материнской ласки, и всем сердцем желает забрать внучку в столицу, дабы самолично её выходить. Что вы на это скажете?

С этими словами он почтительно протянул запечатанный конверт, подписанный рукой матушки Цзя. Линь Хай принял послание, но распечатывать не стал, а просто положил на край стола.

Лай Да, внимательно следивший за каждым его движением, сразу почуял неладное.

«Похоже, зять не горит желанием отпускать дочь»

Но вернуться в столицу с пустыми руками означало навлечь на себя страшный гнев старой хозяйки.

— Уезжая, — вкрадчиво добавил Лай Да, — Матушка Цзя строго-настрого наказала моей супруге лично провести молодую барышню и справиться о её здоровье. Как вы рассудите, господин Линь, когда жене будет дозволено засвидетельствовать почтение барышне Дайюй?

Линь Хай усмехнулся.

«Решили надавить на меня авторитетом старших? Тётушка в своём репертуаре — мягко стелет, да жестко спат».

Линь Хай не собирался поддаваться на уловки.

— Юй-эр только воротилась из Гусу и у неё сильный жар, — небрежно бросил он, пресекая всякие споры. — Пусть оправится сперва, а там видно будет. Письмо я прочту позже. Намерения матушки Цзя мне ясны и понятны, однако моя дочь слишком слаба здоровьем для столь долгого и изнурительного путешествия. Передайте почтенной тётке мою глубокую признательность за заботу.

Лай Да попытался было возразить, но Линь Хай смерил его таким ледяным взглядом, что у слуги мороз прошёл по коже. Язык у него мгновенно присох к гортани, и, низко поклонившись, он покорно попятился к выходу.

Когда за посланниками закрылась дверь, Линь Хай наконец вскрыл конверт. Строчки ложились ровно, и по мере чтения на его лице проступало всё большее раздражение. Он устало потёр переносицу. Матушка Цзя не даром прожила долгую жизнь: каждое слово в письме было взвешено, логично и било точно в цель. Не прими Линь Хай твёрдого решения заранее, он, пожалуй, поддался бы на эти уговоры и отпустил дочь в столицу.

Письмо задело Линь Хая за живое. Матушка Цзя указывала на два обстоятельства, которые он не мог игнорировать. Во-первых, безопасность Дайюй. За годы службы на посту инспектора соляного надзора Линь Хай нажил немало смертельных врагов, особенно среди могущественного клана Чжэнь. Оставлять слабую девочку на юге, в самом гнезде заговорщиков, и впрямь было сопряжено с огромным риском. Во-вторых, воспитание дочери — то самое, о чём твердила матушка Чжан. В благородных семьях сирота, лишившаяся матери в столь нежном возрасте, считалась сомнительной невестой — бесприютной душой, обделённой женским наставлением. Жениться вновь Линь Хай категорически не желал, а значит, о воспитании Дайюй следовало позаботиться как можно скорее. И всё же, несмотря на веские доводы, отправлять дочь в столичный вертеп он не намеревался.

Пока Линь Хай в одиночестве мерил шагами кабинет, тщетно пытаясь найти выход из тупика, за дверью раздался торопливый шаг. Слуга почтительно доложил:

— Господин, у ворот стоит путник. Называется вашим давним другом и просит принять его.

Линь Хай удивлённо приподнял брови:

— Назвал ли он своё имя?

— Никак нет, господин, — покачал головой слуга. — Но он велел передать вам вот это, уверяя, что вы сразу всё поймёте.

С этими словами слуга протянул господину нефритовую подвеску.

Стоило Линь Хаю взять в руки вещицу и разглядеть искусную резьбу, как лицо его озарилось неподдельной радостью.

— Скорее проси его войти! — воскликнул он, но тут же передумал: — Нет, постой. Я сам встречу его!

Он стремительно направился к выходу.

У ворот поместья Линь терпеливо ждали путники. Предводителями этой небольшой группы были двое — мужчина благородного вида и юный отрок. Те самые, чья лодка недавно едва не столкнулась с судном дома Цзя на Великом канале.

Мужчина, облачённый в просторное синее одеяние, держался с такой непринуждённой грацией и статью, что его благородное происхождение угадывалось без труда. От него веяло утончённостью и отрешённостью от мирской суеты. Именно поэтому привратники, даже не зная его имени, не посмели проявить и тени непочтительности.

Сопровождавший его мальчик, несмотря на нежный возраст, отличался тонкими чертами лица и безупречными манерами, выдававшими прекрасное воспитание. Сейчас, стоя позади своего дяди, он ничем не напоминал того заносчивого барчонка, что грозился на речной переправе. Юноша хранил невозмутимое молчание, демонстративно пропуская мимо ушей поддёвки и шутливые замечания старшего родственника.

Ждать им пришлось недолго. Тяжёлые створки ворот распахнулись, и на пороге появился сам Линь Хай. Завидев гостя, он просиял и поспешил навстречу:

— Цзыгу! Сколько лет, сколько зим! Прости, друг мой, что заставил ждать у порога!

Цзыгу было вторым именем этого человека. Роду он был самого знатного — некогда это имя ему всемилостивейше пожаловал сам покойный император. Гу И доводился племянником государю-отцу, будучи сыном старшей принцессы Анхэ и маркиза Уяна.

Гу И мягко улыбнулся, глядя на старого друга:

— Полно тебе, Жухай. Я ведь вольный ветер, праздный путник, а ты обременён великими государственными заботами и вечно занят. Куда мне равняться с тобой? Я и сам робел потревожить столь важного мужа.

Линь Хай с улыбкой отмахнулся:

— Ты в своём репертуаре, никогда не упустишь случая надо мной подшутить! Проходи же скорей, не гоже на пороге стоять, побеседуем в доме.

С этими словами он увлёк Гу И внутрь через парадные двери.

Когда гости устроились в главной зале, а слуги занялись обустройством прибывших, Линь Хай с любопытством перевёл взгляд на стоявшего рядом с Гу И мальчугана. В душе его шевельнулось сомнение. По возрасту друг вполне мог обзавестись таким наследником, однако за все эти годы Линь Хай ни разу не слышал, чтобы тот связал себя узами брака.

Заметив замешательство хозяина дома, Гу И повернулся к племяннику и с улыбкой велел:

— Что же ты стоишь? Поприветствуй дядюшку Линя.

Мальчик чинно шагнул вперёд и склонился в безупречном поклоне:

— Сяо Чжюань приветствует многоуважаемого дядюшку.

— Полно тебе, побереги спину, — Линь Хай поспешно приподнял юношу за локти, а сам вопросительно взглянул на Гу И.

Раз фамилия мальчика была Сяо, то сыном его другу он приходится не мог — скорее, племянником по материнской линии.

Поняв немой вопрос товарища, Гу И рассмеялся:

— Ох, Жухай, не принимай его чинность за чистую монету. Этот сорванец вежлив только на людях. Дома от него и слова ласкового не допросишься, ко мне он и вполтину так почтительно не относится!

Сяо Чжюань лишь мысленно вздохнул, сокрушаясь о привычке дяди выставлять его в невыгодном свете перед почтенными людьми, но спорить при посторонних не посмел. Напустив на себя равнодушный вид, он молча отступил на полшага назад. Линь Хай, разумеется, счёл слова друга за дружескую шутку и спросил:

— Твой племянник... Неужто это наследник маркиза Тунъаня?

<http://bllate.org/book/18189/1751873>